

Виктор Димитриев

Достоевский в документах: плохо забытое старое

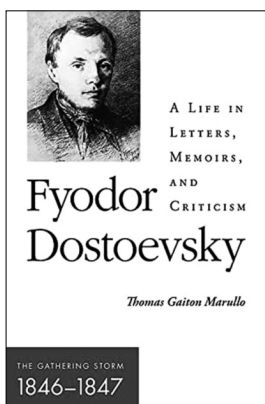
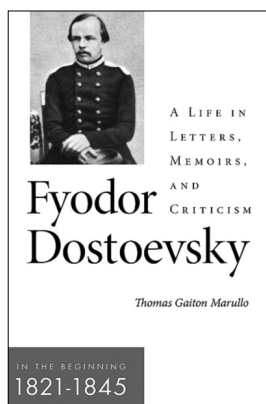
**Marullo Th.G. Fyodor Dostoevsky — In the Beginning
(1821—1845): A Life in Letters, Memoirs, and Criticism.**

DeKalb: Cornell University Press, 2016. — 370 p. (I).

**Marullo Th.G. Fyodor Dostoevsky — The Gathering Storm
(1846—1847): A Life in Letters, Memoirs, and Criticism.**

Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2020. — 270 p. (II).

Кажется, что в биографиях Достоевского, изданных в России и за рубежом, нет недостатка. Потому, конечно, появление новой биографической книги о писателе должно быть специально мотивировано: неожиданными архивными находками, необходимостью заново осмыслить историко-литературные факты с учетом новых исследований, наконец, оригинальным подходом.

Томас Гайтон Марулло объясняет появление новой обширной биографии раннего Достоевского (1821—1849) именно новизной подхода. В отличие от большинства толкователей личности и творчества писателя Марулло решает предоставить слово в первую очередь не себе, а материалу. Отрывки из переписки, воспоминаний, литературной критики, расставленные в правильном порядке и снабженные авторским кон-

цептуальным вступлением, сами расскажут о своем герое. Два вышедших тома из задуманного трехтомника Марулло почти полностью состоят из такого концептуально расположенного биографического материала. Каждый из томов включает по три части. Первый том представлен главами «Все в семье», «В Петербург», «Тьма перед рассветом». Второй том — «Гордость перед падением: Белинский и последствия «Бедных людей»», «Убежище от бурь: Виельгорские, Бекетовы и Майковы», «Психологический поворот: «Двойник», «Господин Прохарчин», «Хозяйка» и «Роман в девяти письмах»». Короткие авторские вступления к каждой части сменяются многостраничными выборками из биографических источников. Четыреста страниц в двух томах (2016, 2020), а мы добрались еще только до конца 1847 г. Книга Марулло — специально устроенный коллажный механизм.

Все прошлые биографы, полагает Марулло, «мало внимания уделяли годам становления Достоевского, промежутку между его рождением в 1821 году и публикацией в 1845 году его первого сочинения, «Бедных людей»» (I, с. VII). Автор хочет закрыть эту лауну, притом составить портрет Достоевского Марулло желает «из писем, воспоминаний, критических статей о писателе, а также из признаний и сви-

детельств семьи и друзей, читателей и обозревателей, наблюдателей и участников его первых шагов в жизни» (I, с. VIII). Такое медленное и последовательное чтение материалов позволит, считает биограф, воспринять историю становления Достоевского как универсальную историю взросления (I, с. IX). Автор ставит перед собой несколько ключевых задач: давать как можно более полную картину, основываясь на всех опубликованных материалах; расположить отрывки из этих материалов в хронологическом порядке, «перемежая голос молодого и зрелого Достоевского с голосами тех людей, кто был частью его жизни или кто был в это время как-то с ним связан» (I, с. VIII); предоставлять равное место для любых, даже самых противоречивых, мнений, зафиксированных в публикациях; отказаться от соблазна сопоставлять людей и события из реальной жизни Достоевского с героями и сюжетами его текстов.

Странно, что уже на следующей странице предисловия Марулло нарушает собственное требование и утверждает, что «молодой Достоевский был (по меньшей мере) шестью персонажами в поисках автора» (I, с. IX), притом своими же собственными персонажами, без порядка, от Алеши Карамазова через Федора Павловича и других братьев Карамазовых, Голядкина, Свидригайлова и Мармеладова до Степана Трофимовича и Ставрогина. «И правда, если читатели были поражены, даже шокированы набором персонажей в сочинениях Достоевского, это было отчасти потому, что он носил первые двадцать четыре года своей жизни те же самые маски, играл те же самые роли, претерпевал те же испытания и ошибки, преступления и наказания, которые формировали молодых мужчин (и женщин) его сочинений» (I, с. IX).

В предисловии к первому тому Марулло коротко восстанавливает общую биографическую канву жизни Достоевского. Первая глава предваряется очерком об отце, вторая — о брате Михаиле, третья — о Петербурге, который, «как что бы то ни было в России, был местом контрастов и противоречий» (I, с. 133). Вырисовывается следующая картина: Достоевский, выросший в идеальных условиях, воспитанный образцовыми родителями, знавший в детстве подобие рая, был снедаем противоречиями своей творческой натуры, с которой он смог совладать благодаря любви к литературе, творческой страсти и успеху «Бедных людей».

Себе в заслугу Марулло ставит, в частности, что именно его метод позволяет взглянуть на отца Достоевского непредвзято. Он хочет «развенчать клише <...> такие как освященное временем утверждение, что отец Достоевского был убит крепостными и что он настолько не ладил со своими сыновьями Федором и Михаилом по вопросам денег и будущей профессии, что они желали его смерти. И правда, из пантомимного злодея легенды отец Достоевского, на основании изучения первичных материалов, предстает заботливым и внимательным родителем и нежным и любящим супругом» (II, с. IX). Остается не до конца ясным, почему автору так важно оспорить, притом однозначно, мнение о событии, которое в тщательных исследованиях всегда предстало как проблематичное¹.

Марулло убежден, что исследователи Достоевского недооценивали как ранний период жизни писателя (1821—1845), так и промежуток между «Бедными людьми» и «Записками из подполья», «пропускали многие мелкие и преходящие, случайные и несущественные проблемы, образы и идеи, которые проникли в сознание

1 См., к примеру, сведения об основных источниках и имеющих большую историю исследованиях по вопросу, а также самостоятельное архивное расследование в статье Г.С. Прохорова: *Прохоров Г.С.* «Дело о смерти Михаила Андреевича Достоевского», или Над чем корпели судьи полтора года // *Неизвестный Достоевский.* 2017. № 2. С. 3—22.

Достоевского, его сердце и душу и которые стали стимулом и благоприятной почвой для важнейших текстов и мыслей. Им [исследователям] также не удавалось понять главного парадокса в изучении писателя: только попотев в мелочах, можно составить полное и целостное представление о жизни и творчестве Достоевского» (II, с. XII).

1846—1847 гг. интересуют биографа как поворотные годы в становлении Достоевского как литературной личности. Именно в это время «Достоевский испытал фрустрацию и гнев, сомнение и отчаяние, одиночество и изоляцию и в литературе, и в жизни» (II, с. XIII). С этими печальными событиями в жизни писателя Марулло напрямую связывает последующую «катастрофу», начавшуюся с участия в кружке Петрашевского.

Второй том устроен таким образом. Первая часть рассказывает о вхождении Достоевского в литературный мир и предваряется наброском автора о любви-ненависти Достоевского к Белинскому. Вторая часть сконцентрирована на начавшемся отторжении от Достоевского критиков и читателей, этой части предпослана статья Марулло о месте семей Виельгорских, Бекетовых и Майковых в жизни писателя. Наконец, третья часть посвящена разрыву с кругом Белинского и открывается анализом «Двойника», «Господина Прохарчина», «Хозяйки» и «Романа в девяти письмах». Достоевский в своих последующих за «Бедными людьми» текстах, по мнению Марулло, совершенствовался как писатель и «пересекал романтические и реалистические модели, чтобы создать собственную поэтику, собственное объяснение мучительного пути в жизни» (II, с. 205), экспериментируя с сознанием маргинальных героев и персонажей на грани безумия, каждый раз проживая эти образы в своей жизни. Свои неудачи и несчастья он при этом, по мнению Марулло, счел влиянием внешних, а не внутренних причин, он отказался «обвинять себя в своих несчастьях», и в этом была главная проблема раннего Достоевского, приведшая его к кружку Петрашевского. Биограф заканчивает по-резонерски: «Преступление — бунтарская деятельность — привело к наказанию — изгнанию в Сибирь» (II, с. 205). Неясно все-таки, каким образом подобный «идеологический» вывод делается на основании биографии в документах, где личная интерпретация должна была бы, кажется, отступить на второй план.

Впрочем, не это главное недоумение, возникающее при знакомстве с книгой. Многочисленные указания автора на новизну подхода, на то, что совершается едва ли не первый шаг в документальном исследовании жизни Достоевского, несомненно удивит любого сколько-то знакомого с литературой об авторе. О каких же прежних исследователях, которые все время упускают детство и юность Достоевского, говорит автор?

В предисловии Марулло называет несколько биографий Достоевского. Неполный, но разнообразный список англоязычных текстов сменяется *одной* русскоязычной книгой, биографией Достоевского, написанной Л. Гроссманом (1962). Книга К. Мочульского «Достоевский. Жизнь и творчество» (1947) в этом предисловии представляет за Францию, хотя издана была на русском языке, а переведена позднее. Неизвестно, знаком ли автор с биографиями Достоевского, опубликованными на русском языке и вышедшими еще до томов Марулло. Стоит назвать хотя бы обширную биографию Л. Сараскиной (2011) или недавно опубликованную биографию Г. Чулкова (2015), написанную еще в 1930-е гг. Отсутствие хоть какого-то анализа биографической литературы о Достоевском (кроме краткого пассажа о книге Дж. Франка 1976 г. «Достоевский: семена бунта, 1821—1849») ставит под вопрос обоснованность любых авторских высказываний по поводу того, что прошлые исследователи что-то «не сделали», но самому Марулло это удалось.

Но даже если не брать во внимание отсутствие анализа биографических материалов, возникает вопрос в отношении новизны концептуального подхода Марулло. Дело в том, что портреты Достоевского, составленные «из писем, воспоминаний, критических статей о писателе, а также из признаний и свидетельств семьи и друзей, читателей и обозревателей, наблюдателей и участников его первых шагов в жизни» (I, с. VIII), уже появлялись раньше. Достаточно назвать хотя бы три: «Жизнь и труды Ф.М. Достоевского. Биография в трудах и документах» (1935) Л. Гроссмана, книги И.Л. Волгина, и прежде всего «Родиться в России. Достоевский и современники: Жизнь в документах» (1991), «Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского. 1821—1881: В 3 т.» (1993—1995). Во всех этих книгах первичные материалы, опубликованные в большом объеме, играют ключевую роль. Особенно с замыслом Марулло смыкается оригинальная книга Волгина, в которой на шести-стах страницах рассказывается история раннего Достоевского; обширные статьи автора сменяются тематически ранжированным и причудливо выстроенным не менее обширным коллажем биографических источников.

Любопытно заметить, что в части «От автора» Волгин пишет, имея в виду свои многостраничные коллажи: «Ученые друзья настоятельно рекомендовали нам снять библиографические ссылки или хотя бы не указывать номера страниц. Они исходили из того, что отдельные склонные к легкой поживе диссертанты, прельстясь благородной доступностью собранных нами фактов, будут заимствовать готовые тексты, не утруждая себя самостоятельными разысканиями. Мы, однако, с негодованием отвергли столь низкое подозрение!»²

Волгин помещал сведения об источнике сразу же за цитируемым материалом. Марулло убрал эту информацию в конец книги в раздел «Примечания к источникам». И в этих примечаниях мы встретим и биографию «в трудах и документах» Гроссмана, и летопись жизни и творчества Достоевского, и книгу Волгина, да и множество других исследований, вроде первых биографических статей о Достоевском Н.Н. Страхова и О.Ф. Миллера (1883) или книгу В.С. Нечаевой «Ранний Достоевский. 1821—1849» (1979). В примечаниях к первому тому Марулло множество раз указывает, что прибегает к вторичным источникам. Но, учитывая, что многие из этих материалов, взятых, к примеру, у Волгина, доступны любому исследователю, не совсем ясна прагматика такого снабжения цитаты отсылкой к книге русского специалиста по Достоевскому. Да и самостоятельность такого сбора материалов ставится под вопрос: цитаты, приводимые не в последнюю очередь по вторичным источникам, даются иногда в схожей последовательности, со схожим или точно воспроизведенным контекстом, в том же порядке, а иногда и с теми же купюрами.

Но если в первом томе ссылки на вторичные материалы обширно представлены в «Примечаниях к источникам», то во втором томе они почти полностью исчезают. Между тем переключки между выбранными источниками и их расположением сохраняются. К примеру, обильное цитирование так называемого «Каменного сердца» Некрасова, неоконченной повести, обыгрывающей литературный дебют Достоевского, в окружении фрагментов из «Дневника писателя», переписки и воспоминаний, как это представлено у Волгина³, схожим образом встроено в коллаж и у Марулло (II, с. 53—81).

Нет сомнения, что биограф пытается выстроить собственный нарратив, сконцентрировать внимание на особенно важных, по его мнению, событиях и людях

2 Волгин И.Л. Родиться в России. Достоевский и современники: Жизнь в документах. М., 1991. С. 7.

3 См., к примеру: Там же. С. 466—477.

в жизни Достоевского. Замечательно, что книга раскрывает определенную «идею» ранних лет жизни писателя, которую последовательно развивает Марулло. Однако отсутствие указаний в основном тексте на биографические исследования о Достоевском на русском языке (в предисловии называется только Гроссман), нечеткое и оставшееся без объяснения разделение в примечаниях первичных и вторичных источников, а также тот факт, что Марулло, прекрасно зная о существовании летописей жизни и творчества Достоевского, а также книги Волгина, все-таки настаивает, что его подход новаторский, — все это оставляет читателя этих двух томов в недоумении.